

ГОЛОД НАЧАЛА 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА В КАЗАХСТАНЕ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Казахский народ благодушно простил бы все деформации и перегибы идеи, теории и практики социализма, если бы не два преступления тоталитарного режима, поставившие коренное население перед дилеммой быть или не быть.

Речь идет о голоде 1931–1933 годов и политических репрессиях 1937–1938 годов.

История Казахстана чрезвычайно богата событиями, переменами и именами выдающихся личностей. Но лишь некоторые из них на века и круто изменили судьбы страны, государства и народа. К числу таковых относятся образование Казахского ханства в XV веке, годы великого бедствия и начало присоединения к России в XVIII веке, установление Советской власти в 1917–1918 годах, научные и творческие подвиги Ш.Уалиханова, М.Ауэзова, К.Сатпаева, провозглашение государственной независимости Республики Казахстан 16 декабря 1991 года, определение новой столицы молодого независимого государств. В этой далеко неполной системе ценностей летописи событий особое место занимает советский период Отечественной истории. 74 года социалистического строительства Казахстана вобрала в себя и звездный миг побед, и трагические страницы невосполнимых потерь. Нам есть чем гордиться. Ибо на волне большевизма возродилась казахская советская государственность, преобразился экономический, социально-культурный облик республики, сложился качественно новый интеллектуальный потенциал народа. Достижения советского Казахстана никто не вправе отрицать. Однако социалистический путь развития не всегда был успешным и победоносным. Казахский народ благодушно простил бы все деформации и перегибы идеи, теории и практики социализма, если бы не два преступления тоталитарного режима, поставившие коренное население перед дилеммой быть или не быть.

Речь идет о голоде 1931–1933 годов и политических репрессиях 1937–1938 годов. Голод унес жизни не менее 3 млн. казахов. Одна шестая часть коренного населения навсегда покинула историческую родину. Из 3,5 млн. казахов 1897 года составивших 82% населения края, к 1939 году остались всею 2,3 млн., их удельный вес в составе населения республики упал до 38%. Небывалые страдания и рана по сей день не забыты и кровоточат. Гуманитарная катастрофа и величайшая трагедия казахского народа начала 30-х годов является объективным следствием аграрной, кадровой, национальной, культурной политики Сталина и его окружения, осуществленной в Казахстане ставленником Кремля Ф.И. Голошекиным. Профессиональный революционер Ф.И. Голощекин,

приняв руководство Казкрайкомом в 1925 году, первым делом нанес удар по интеллектуальной элите казахского общества. По его инициативе репрессивная машина системы обрушилась на лидеров и активистов Алашского движения. На рубеже 20–30-х годов А.Бокейхан был выдворен из Казахстана, А.Байтурсынов, М.Жумабаев, М.Ауезов и другие известные личности оказались в тюрьме, даже идейный коммунист С. Сейфуллин попал в опалу. Словом, удар по личностям высокой миссии и гордости нации ослабил иммунитет самозащиты общества.

Крестовый поход задел также научные и художественные творения Алашской интеллигенции, многие досоветские авторы и их книги объявлялись вредными, изымались из обращения, что существенно обеднило духовно-культурную жизнь степи. В этой связи Ф.И. Голощекин выстроил даже собственную теорию. В 1930 году, выступая с отчетным докладом на VII Всеказахской партийной конференции, он заявил: «Центр тяжести лежит в том, что чем быстрее развивается наше народное хозяйство, чем быстрее его социалистическое строительство, тем более будут раздвигаться «ножницы», которые образовались между хозяйственным строительством и культурным». Впрочем, «ножницы» между экономикой и культурой сохранились и в последующем. Их причина кроется в финансировании социально-культурной инфраструктуры по остаточному принципу.

Разрушение духовно-культурных ценностей и ориентиров казахского социума дополнялось установлением личной власти и диктата Голощекина. Его боялись все. Непокорные, такие, как С. Садвокасов, открыто преследовались. Если сущностные черты и свойства советского тоталитаризма в масштабе СССР сформировались к концу 20-х годов, то в Казахстане они полноценно действовали сприходом к руководству Голощекина. Частично этот своеобразный момент казахстанской истории получил освещение в ходе работы VI Пленума Казкрайкома ВКП(б) 10–16 июля 1933 года. «При всем том, – заявил в своем заключительном слове на пленуме О. Исаев, – что я играл руководящую роль и не мог ее не играть, будучи председателем правительства, активным партийным работником, я не могу считать себя единственным творцом и всего хорошего и всего плохого, что было в Казахстане за этот период. Остается бесспорным, что главную роль в нашем государстве играл первый секретарь организации тов. Голощекин, и отсюда вина в огромной степени, конечно, падает и на это». Еще точнее выразился Курамысов – второй секретарь Казкрайкома ВКП (б) при Голощекине. «Из чего вытекали лично мои ошибки? – задавался он вопросом. Ответ был таков: «Первым долгом из того, что для меня авторитет тов. Голощекина был очень велик, а в отдельных вопросах, когда я видел явные неправильности, у меня, как и у многих

членов бюро не хватало характера для того, чтобы отстаивать свою точку зрения». Составляющие «авторитета» Голощекина красочно описаны в поэме С.Сейфуллина «Қызыл ат» («Красный конь»):

В неистовство впадал не раз,
как злой самец – верблюд,
Он тряс козлиной бородой.
Творил неправый суд.
И подхалимничали все,
стараясь угодить,
И все склонялись перед ним.
И трясся в страхе люд.

Вождизм первого руководителя в уродливой форме дублировался на местах, с одной стороны, породил произвол и беззаконие власть придержащих – с другой. Еще одной причиной продовольственного кризиса служила голощекинская теория «Малого Октября». Новый виток советизации казахского аула, усиление роли парторганизаций, количественный рост коммунистов с 32-х тыс. в 1926 году до 101 тыс. человек в 1933 году, осуществленные в рамках «Малого Октября» и командно-административной деятельностью лжебелсенды, привели к тому, что простой человек оказался отчужденным от власти, прав, элементарной свободы, юридически незащищенным. Завершающим аккордом «Малого Октября» стала конфискация баев-полуфеодалов в 1928 году, означавшая по сути начало разрушения основ аграрной экономики. Наступил 1929 год, дан старт массовому колхозному движению. Спровоцированная высшим руководством СССР и ничем не обоснованная, безудержная гонка коллективизации в течение 4 лет вылилась в чудовищные преступления против человечества. Ее абсурдность состоит также в том, что верхушка ВКП (б) и государства вступила в войну против собственного народа.

Так что великий писатель М. Шолохов был совершенно прав, когда в 1932 г. заявил: «По хуторам происходила форменная война». Способы и методы силовой коллективизации везде и всюду были одинаковы. Их трагические результаты определялись масштабами, жестокостью и этнической направленностью в конкретном регионе. В условиях Казахстана насильственное изъятие скота у крестьян и шаруа, перевод на оседлость кочевников неадекватные задания по мясозаготовкам оставили миллионы людей, в первую очередь казахов, без средств существования. Чудовищные размеры приняло расхождение между планом коллективизации и его материально-техническим обеспечением, не говоря уже о менталитете этноса, его готовности к оседлому образу жизни, коллективному ведению хозяйства. По свидетельству А.Джангильдина, коммуниста с дореволюционным стажем, в декабре 1929 года принималось постановление крайкома партии о переводе на оседлость 6 тыс. хозяйств Сарысуйского района, в

то же время на это мероприятие было отпущено всего 8 тыс. рублей. В Семиозерном районе решили во что бы то ни стало в течение одного года произвести оседание всех казахских хозяйств. В связи с этим обобществили или весь скот, осуществили силовое переселение хозяйств с одного места на другое, на так называемые «точки оседания». Жилые дома и приусадебные пристройки возводились наспех из дерна. В итоге, вместо того, чтобы на основе коллективизации улучшить жизнь человека, получились совершенно обратные результаты: резкое сокращение поголовья, разорение, откочевки казахов. Но курс на коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса продолжался.

По состоянию на 1 декабря 1931 года при коллективизации на 68,9% по Казахстану оседлые казахские районы были коллективизированы на 72,2% и полукочевые на 57,6%, на 10 апреля 1932 года эти показатели составляли соответственно 64,3%, 68,8%, 54%. Чехарда вокруг плана заготовок мяса и хлеба, помноженная на расхищение и разбазаривание колхозного скота и имущества, обострила продовольственное положение. Животноводство как отрасль аграрной экономики фактически перестало существовать. Из 40 млн. голов всех видов скота 1929 года осталось на начало 1933 года всего лишь 4 млн. голов. Степь была охвачена голодом. В науке известны различные формы и состояния голода. Под эпидемическим голодом подразумеваются вспышки голода, вызванные засухами, наводнениями и прочими временными явлениями. Еще одна форма недостаточности питания – неполное соответствие фактического потребления нормативу по калорийности. Крайнее проявление продовольственной проблемы – хронический голод. Голод начала 30-х годов относится к хроническому, обусловленный политико-идеологической авантюрой высшего руководства СССР и Казахстана, безжалостным разрушением традиционной системы жизнеобеспечения кочевников, несправедливым распределением доходов, разгулом мелкобуржуазной стихии в сфере управления страной и обществом. Голодная смерть людей свирепствовала в казахских районах. В Каратальском районе только в трех казахских аулах погибла зимой 1932 года половина населения. В Каркаралинском районе в мае 1932 года насчитывалось 50,4 тыс. человек, а к ноябрю их осталось всего 15,9 тыс. человек. В Балхашском районе из 60 тыс. человек умерло 36 тыс. и осталось 12 тыс. казахов. В поисках пищи люди бежали в города, соседние республики. По неполным данным, к началу 1933 года казахов-откочевников оказалось на Средней Волге – 40 тыс. человек, в Киргизии – 100 тыс. человек, Западной Сибири – 50 тыс. человек. Ситуацию не изменили меры, принятые партийно-советскими органами. Только в марте 1932 года, т.е. в самые тяжелейшие дни голодомора, Восточно-Казахстанский обком партии и облисполком дважды рассмотрели вопрос о помощи и

обустройстве откочевников возвращенцев. Кроме того, представитель обкома партии отправил секретную докладную записку Запсибкрайкому и Алейскому райкому партии. В ней приводились многочисленные факты беззакония, творимые местными силовиками над беззащитными казахами. Многие из них пришли в Алейский район, преодолев 400 километровое расстояние, ибо жили раньше в Каркаралинском, Кувском, Абралинском, Кзылтанском районах Казахстана. «Без агитмассовой работы, без учета социального лица, без участия партийно-комсомольской общественности – говорится в докладной записке, – казахов собирали через милиционеров и исполнителя сельсовета... В течение 24 часов погрузили людей в 40 вагонов из Шипуновского района. Не говоря уже о грубом обращении, милиционерам пришлось разбивать окно, ломать двери землянок... Погрузили в среднем по 65–70 человек в вагоны без освещения, отопления и т.д. и т.п.». По прибытии в Казахстан возвращенцев ждала не лучшая жизнь. Местные органы власти оказались не готовыми к работе в экстремальных ситуациях. Только в одной Восточно-Казахстанской области покинули родной очаг 142 тыс. человек, к середине мая 1932 года возвратилось обратно свыше 78 тыс. человек. Однако областной план мероприятий по обустройству возвращенцев был рассчитан всего на 44 тыс. человек.

Как свидетельствуют архивные документы, голод косил в первую очередь наименее защищенную и слабую часть населения – детей, будущее нации и людей старшего и преклонного возраста, кладези народной мудрости и опыта. Так, в селе Красный Аул, что в 105 километрах от города Семипалатинска, 17 апреля 1932 года был открыт детдом. Материальные условия детдома несколько не способствовали защите обездоленных. Вот строки из документа: «На одного ребенка в среднем приходится около 1,5 кв. метра площади, но в некоторых домах дети размещены очень скученно... Помещения содержатся очень грязно... Дети испражняются вокруг дома, где попало, около домов масса старого навоза, валяется старая одежда умерших детей, кости и т.д. Все это гниет и распространяет невероятную вонь... Форточек в домах нет, душно, а в тех домах, где дети выбили стекла, гуляет холодный пронизывающий ветер, и дети воют от холода». Одежда детям не выдавалась, питание было поставлено очень плохо, медицинское обслуживание носило формальный характер. Уже в течение первого месяца умерло 172 ребенка, 129 воспитанников сбежали. Гонимые голодом и беззаконием не безмолвствовали. По всему Казахстану прокатились народные выступления, на имя Сталина, Калинина, Молотова летели письма, полные отчаяния, голос возмущения подали смелые люди – Т.Рыскулов, Г.Мусрепов, М.Гатауллин и др. Сталин и его окружение, отчетливо понимая всю пагубность собственной преступной деятельности, во вторую пятилетку вступили со слегка

подкорректированной аграрной политикой. Весной 1933 года местные партийные и советские органы получили сталинско-молотовское указание ограничить применение репрессивных мер в отношении крестьян. «В результате наших успехов в деревне наступил момент, – подчеркивалось в инструкции, – когда мы не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников». Постепенно хронический голод был преодолен. Победил колхозный строй.

Сталинская модель производства сельхозпродукции пережила своего грозного конструктора почти на четыре десятилетия. Советские колхозы и совхозы, находясь в состоянии перманентного кризиса, так и не решили продовольственные проблемы. Сельский труженик, лишенный земли и собственности, права распоряжаться продуктом собственного труда, привык работать спустя рукава, вполсилы, в полсердца. Упал престиж сельхозпрофессий, слово «колхозник» звучало как синоним отсталости, бедности, ущербности. Нам представляется, что Советский Союз распался отчасти потому, что аграрный сектор экономики, принципы его организации и управления безнадежно отстали от вызовов времени. Ситуацию не спасли ни освоение целины, ни продовольственная программа. Хотя виновники голода начала 30-х годов XX века и массовой гибели людей ушли от заслуженной кары, созданная им тоталитарная система не избежала наказания. Иначе говоря, голод и смерть миллионов периода коллективизации не прошли бесследно, как возмездие они вернулись бумерангом и нанесли в 1991 году сокрушительный удар по своему убийце. По большому счету, в этом и состоят итоги и уроки истории вообще, суть концептуального положения современной исторической науки – в особенности.

Ханкельды АБЖАНОВ, // Қазақстандағы ашаршылық: халық қасіреті және тарих тағылымы = Голод в Казахстане: трагедия народа и уроки истории : сборник материалов Международной научной конференции (31 мая -1 июня 2012 г.). – Астана, 2012. – С.176-181.